

А. М. Хазансв.

ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ И ПРОБЛЕМА ПЕРВИЧНОСТИ МАТЕРИНСКОГО РОДА

Любой теоретический анализ должен объяснять установленные научкой конкретные факты и уж во всяком случае не противоречить им. Поэтому можно только приветствовать стремление Ю. И. Семенова связать постулируемую им схему развития материнского рода с данными археологии.

По Ю. И. Семенову, эта связь выглядит следующим образом. Первичная материнско-родовая организация с дуально-групповым дислокальным и дисэкономичным браком возникла на грани нижнего и верхнего палеолита. Этому благоприятствовала оседлость, характерная для человечества начала верхнего палеолита. В конце верхнего палеолита появляются группы, ведущие бродячий образ жизни, который преобладает и в мезолите. В неолите с зарождением земледелия все большая часть человечества снова переходит к оседлости. В целом оседлость ведет к укреплению матрилинейных связей, напротив, бродячее существование — к установлению патрилинейных¹.

Следовало бы ожидать, что далее Ю. И. Семенов докажет применимость его схемы (верхний палеолит — оседлость, мезолит — преимущественно бродячий образ жизни) ко всей ойкумене. К сожалению, в его статьях она лишь постулируется, но не обосновывается. Посмотрим, как же обстояло дело в действительности.

Европа. В этом регионе в верхнем палеолите превалировал оседлый образ жизни, установившийся не позднее мустье. В числе прочих причин он был связан с преобладанием коллективной охоты на крупных и средних млекопитающих над собирательством. В мезолите значение такой охоты падает, увеличивается роль индивидуальной охоты на мелкую дичь и птицу, а также собирательства, что повлекло за собой увеличение подвижности человеческих коллективов. Все это многократно отмечалось в литературе².

Передняя Азия. Развитие этого региона в палеолите и мезолите протекало весьма своеобразно. Поэтому многие исследователи даже отказываются от применения европейской номенклатуры для обозначения переднеазиатских культур³. По мнению Н. Н. Чебоксарова и И. А. Че-

¹ Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (Опыт теоретического анализа), «Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 61—65; его же, Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии (по поводу статьи М. А. Членова «Можно ли считать австралийскую контроверзу разрешенной?»), «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 109—110.

² См., напр.: П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953; С. Н. Библиков, Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита, «Сов. археология», 1969, № 4, стр. 18 и др.; см. также статьи В. П. Любина, Г. П. Григорьева, А. Н. Рогачева и Н. О. Бадера в сб.: «Каменный век на территории СССР», «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА), М., 1970, № 166.

³ D. A. E. Garrod, The relations between Southwest Asia and Europe in the later palaeolithic age, «Journal of World History», vol. 1, № 1, Paris, 1953.

боксаровой, в верхнем палеолите — мезолите для населения Центральной, Средней и Передней Азии, а также Северной Африки и Южной Европы был характерен хозяйственно-культурный тип охотников и собирателей степей, и полупустынь с присущей ему большой подвижностью⁴.

В отличие от Европы, в Передней Азии уже в верхнем палеолите существенную роль играли охота на мелких животных и собирательство. Образ жизни был более подвижным. Долговременные искусственные жилища отсутствовали. Но уже в мезолите происходит становление производящего хозяйства, и в результате население этого региона переходит к довольно прочной оседлости⁵.

Африка южнее Сахары. Считается, что серьезных климатических изменений в Африке в плейстоцене и при переходе к голоцену не было⁶. По-видимому, это сказалось и на образе жизни и на технологии первобытного человека. Последняя развивалась постепенно, без тех сравнительно резких изменений, которые были характерны для Европы. Не случайно, специалисты находятся в таком затруднении, когда надо провести грань между нижним палеолитом и верхним, верхним палеолитом и мезолитом, мезолитом и началом неолита⁷. Многие из них справедливо указывают на полную условность и практическую непригодность европейской археологической периодизации в африканских условиях и даже готовы отказаться от самих терминов «верхний палеолит» и «мезолит»⁸.

Между культурами, которые условно называют иногда «верхнепалеолитическими» и такими же «мезолитическими», отсутствует не только существенный технологический разрыв. Нет и серьезных изменений в системе хозяйства. Хотя соотношение между собирательством и охотой варьировало в различных культурах (однако без какой-либо четко выраженной однонаправленной тенденции развития), в целом удельный вес собирательства в хозяйстве все же, по-видимому, был большим.

Если даже считать недоказанным, что носители палеолитических культур типа сангоан и стилл бэй и их дериватов, занимавшие значительную часть Африки к югу от Сахары, являются прямыми предками современных пигмеев и бушменов⁹, ясно, что вплоть до неолита, а на обширных пространствах Центральной, Восточной и Южной Африки еще позднее, человеческие группы всегда вели подвижный образ жизни¹⁰.

Конечно, степень подвижности различных групп не была одинаковой. Но даже в наше время наиболее «оседлые» среди африканских собирателей и охотников бушмены кунг меняют лагерь 5—6 раз в году, прав-

⁴ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 176—178.

⁵ См., напр.: Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 42 и сл.; А. Алиман, Доисторическая Африка, М., 1960, стр. 70 и сл.; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964, стр. 82 и сл.; G. Clark, World prehistory — a new outline, Cambridge, 1969, p. 70; R. J. Braidwood, The agricultural revolution, «Scientific American», vol. 203, № 3, 1960; K. V. Flannery, Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East, «The domestication and exploitation of plants and animals», London, 1969.

⁶ J. Desmond Clark, Prehistory. In: «The African World. A survey of social research», London, 1965, p. 27; O. Davies, West African before the Europeans, London, 1967, p. 76.

⁷ Ср.: А. Алиман, Указ. раб.; S. Cole, The prehistory of East Africa, Harmondsworth, 1954; O. Davies, Указ. раб.

⁸ J. Desmond Clark, The prehistory of Southern Africa, Harmondsworth, 1959, p. 37—39; B. Allchin, The stone-tipped arrow, London, 1965, p. 2; O. Davies, Указ. раб., стр. 70 и сл., стр. 127—128.

⁹ G. P. Murdock, Africa: Its peoples and their culture history, New York—Toronto—London, 1959, p. 52; J. Desmond Clark, The prehistory of Southern Africa, p. 94 и др.

¹⁰ J. Desmond Clark, Human ecology during Pleistocene and later times in Africa south of the Sahara, «Current Anthropology», 1960, vol. 1, № 4, p. 319—320; O. Davies, Указ. раб., стр. 147.

да, переходя на небольшие расстояния, а хадза живут на одном месте не более нескольких недель, обычно же еще меньше¹¹. К тому же отдельные общины бушменов и хадза разделены значительным расстоянием. Для сравнения отметим, что европейские охотники в верхнем палеолите жили на одном месте по 20 и более лет¹².

Южная Азия. На Индостанском полуострове климат и фауна в плейстоцене также мало отличались от современных. Отсутствие резких экологических изменений, по мнению некоторых исследователей, оказывало тормозящее влияние на развитие производительных сил¹³. Развитие техники в Южной Азии во многом отличалось от Европы и Переднего Востока. Международная конференция по азиатской археологии, состоявшаяся в Дели в 1961 г., даже постановила отказаться от европейской периодизации каменного века, с чем, правда, не все согласились¹⁴.

Соотношение охоты и собирательства варьировало в зависимости от места и времени, но нигде не отмечена длительная оседлость, подобная той, которая наблюдается в верхнепалеолитической Европе. С. А. Семенов совершенно справедливо подчеркивает то обстоятельство, что в тропических и субтропических странах «бродячий образ жизни охотников и собирателей был обусловлен невозможностью сохранять животную пищу в случаях, когда охота оказывалась удачной, а пищи оставалось больше, чем это необходимо для полного насыщения. Если в приледниковой зоне, где грунтовая мерзлота и длительные суровые зимы обеспечивали сохранность запасов даже после охоты на мамонтов, то под тропиками при высокой температуре, обилии микроорганизмов и насекомых большие излишки охотничьей добычи погибали... Переход от бродяжничества к оседлости в этих странах осуществился только с возникновением земледелия»¹⁵.

Вплоть до распространения земледелия и скотоводства на обширных пространствах Южной Азии не наблюдается значительных изменений в присваивающем хозяйстве¹⁶.

Юго-Восточная Азия. Во всем этом обширном регионе климат на протяжении четвертичного периода менялся мало, всегда оставаясь жарким и влажным, тропическим¹⁷. Развитие техники от нижнего палеолита вплоть до раннего неолита происходило здесь очень медленно и постепенно, без резких переломов. В Бирме, например, орудия позднеаньятской культуры, по времени синхронной с европейским верх-

¹¹ R. E. Lee, What hunters do for a living, or, how to make out on scarce resources. In: «Man the hunter», ed. by R. B. Lee and I. DeVore, Chicago, 1968, p. 35; J. Woodburn, Stability and flexibility in Hadza residential groupings, Там же, стр. 105.

¹² И. Г. Пидопличко, Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине, Киев, 1969, стр. 151—154; С. Н. Бибиков, Указ. раб., стр. 15, 18; Г. П. Григорьев, Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей. В сб.: «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 19.

¹³ П. И. Борисковский, Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии, Л., 1971, стр. 8—11.

¹⁴ «Indian Prehistory: 1964», «Proceedings of the Seminar on Indian Prehistory and Protohistory held at the University Department of Archaeology», «Deccan College, Poona», May 24—31, 1964, Poona, 1965, pp. 35, 45, 60 и сл., 71 e. a.; G. F. Dales, Recent trends in the pre- and protohistoric archaeology of South Asia, «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 110, № 2, Philadelphia, 1966, p. 132.

¹⁵ С. А. Семенов, Развитие техники в каменном веке, Л., 1968, стр. 187; см. также: U. H. Steward, Causal factors and processes in the pre-farming societies, In: «Man the hunter», p. 328.

¹⁶ «Народы Южной Азии», М., 1963, стр. 59; B. Subbarao, The personality of India, Baroda, 1956, p. 31 e. a.; B. Allchin, The late stone age of Ceylon, «The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 88, № 2, 1958; V. N. Misra, Mesolithic phase in the prehistory of India. In: «Indian Prehistory, 1964», p. 60—61.

¹⁷ П. И. Борисковский, Указ. раб., стр. 8 и сл.

ним палеолитом, очень мало отличаются от нижнепалеолитической раннеаньятской культуры. То же самое отмечено в Индонезии, Вьетнаме и других странах¹⁸.

Обитатели этого региона вели подвижный образ жизни и на протяжении всего палеолита и в мезолите, когда во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Малайе и Индонезии распространяется хоабиньская культура. Для ее носителей собирательство играло даже большую роль, чем охота¹⁹. В этом нет ничего удивительного. Известный специалист по каменному веку тропических стран Б. Олчин отмечала, что в лесном окружении человек зависел от растительной пищи больше, чем на открытых пространствах²⁰.

Восточная Азия. Палеолит и мезолит этого региона изучены очень плохо. Пока известно, что развитие в южной части Восточной Азии имело очень много общих черт с Юго-Восточной Азией. Здесь также плохо различаются нижний палеолит от верхнего, а последний от мезолита. Так же как и на более южных территориях, здесь открыты памятники культуры хоабинь. И в палеолите и в мезолите люди вели подвижный образ жизни, занимаясь собирательством и охотой²¹. Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова полагают, что все древнейшее население влажных тропиков и субтропиков в эпоху верхнего палеолита и мезолита принадлежало к хозяйственно-культурному типу бродячих собирателей и охотников жаркого пояса²².

В более северных районах соотношение охоты, собирательства и рыболовства в палеолите и мезолите, по-видимому, варьировало в зависимости от места и времени. Уже в верхнем гроте Чжоукоудяна (Шаньдиндун) вместе с костями мелких животных были найдены многочисленные раковины. Однако долговременные искусственные жилища не известны, со времен синантропа под жильем использовались пещеры. Образ жизни был достаточно подвижным²³.

Северная Азия. Население Сибири в верхнем палеолите, как и обитатели Европы, жило в приледниковой зоне. Это неизбежно влекло за собой ряд общих черт в хозяйстве. Но все же развитие Сибири отличалось значительным своеобразием. Насколько можно судить по имеющимся сейчас материалам, ее заселение произошло не ранее верхнего палеолита, причем для первых двух третей верхнепалеолитического времени сколько-нибудь достоверные археологические памятники пока отсутствуют²⁴. В таких стоянках, как Мальта и Буреть, обнаружены остатки долговременных жилищ, сходных с европейскими. Но уже в конце палеолита оформляется уклад жизни, который в дальнейшем мало менялся вплоть до раннего неолита. В основе его лежал комплексный охотничье-рыболовческо-собирательский тип экономики с сезонными перекочевками на ограниченной территории²⁵.

¹⁸ Там же, стр. 130 и сл.

¹⁹ П. И. Борисковский, *Первобытное прошлое Вьетнама*, М.—Л., 1966, стр. 71 и сл.; M. W. F. Tweedie, *Prehistoric Malaya*, Singapore, 1955; H. R. van Heekeren, *The stone age of Indonesia*, 's-Gravenhage, 1957, p. 67 и др.

²⁰ B. Allchin, *The stone-tipped arrow*, p. 49.

²¹ А. М. Решетов, *Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии*, сб.: «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1968, стр. 253—356; П. И. Борисковский, *Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии*, стр. 169.

²² Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, *Указ. раб.*, стр. 174—175.

²³ «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965, стр. 48—52; «История Сибири», т. 1, Л., 1968, стр. 75; W. Watson, *China before the Han dynasty*, London, 1961, p. 28—31; Kwang-Chih Chang, *The archaeology of Ancient China*, New Haven and London, 1963, p. 25—50.

²⁴ Г. П. Григорьев, *Верхний палеолит*, «Каменный век на территории СССР», стр. 54.

²⁵ «История Сибири», т. 1, стр. 44 и сл.; Н. О. Бадер, *Мезолит*, «Каменный век на территории СССР», стр. 98—100.

Австралия. Если буквально следовать точке зрения Ю. И. Семенова о том, что род сложился на рубеже нижнего и верхнего палеолита, то мы должны были бы вообще исключить австралийские, равно как и американские, материалы из нашего обзора. Известно, что заселение Австралии произошло из Юго-Восточной Азии в верхнем палеолите. Следовательно, по Ю. И. Семенову, материнский род у предков современных австралийцев должен был оформиться уже в Юго-Восточной Азии, но, как мы видели, в условиях не оседлого, а бродячего существования. К тому же остается совершенно обойденным вниманием вопрос, как отразилось на этом гипотетическом роде переселение на новый материк и его последующее заселение.

Что касается самой Австралии, то ее экологическая среда также не походила на европейскую. Иным был климат. Правда, водились гигантские сумчатые, но условия охоты на них не могли не отличаться от условий охоты в палеолитической Европе, где многочисленные стада крупных травоядных животных были сконцентрированы на сравнительно небольшой территории. Носители культуры карта, например, по-видимому, охотились на дипродотона — самого большого из ископаемых австралийских сумчатых, размером с носорога, но и они вели подвижный образ жизни²⁶. Для наиболее ранних насельников Австралии был характерен бродячий или полубродячий образ жизни²⁷, а последующее ухудшение климатических условий могло вести лишь к увеличению подвижности отдельных групп аборигенов.

Полуоседлый образ жизни, который характерен для рыболовов и собирателей моллюсков юго-восточной и северо-западной Австралии, сложился сравнительно поздно, а на севере материка к тому же под возможным индонезийским влиянием²⁸. Но даже австралийцы северного побережья, где дичь и рыба водились в изобилии, не заготавливали ее впрок и имели в своем рационе 70—80% растительной пищи²⁹.

В силу понятных причин обзор экологического окружения и специфики хозяйственной деятельности человека в верхнем палеолите и мезолите мог быть предпринят нами только в самом обобщенном и кратком виде. Но и он наглядно показывает, что схема Ю. И. Семенова (верхний палеолит — оседлость, мезолит — бродячий образ жизни) страдает открытым евроцентризмом и абсолютно неприменима к большей части ойкумены, разве что лишь за исключением Сибири. Известны и другие варианты развития, когда оседлость характерна именно для мезолита в противоположность верхнему палеолиту, или же когда и в верхнем палеолите и в мезолите тип бродячего собирательно-охотничьего хозяйства продолжал сохраняться без существенных изменений.

Мы ни в коей мере не претендуем на честь открытия этого факта. Специфика развития Европы многократно подчеркивалась различными исследователями. Так, А. П. Окладников уже писал, что «теперь ясно, что рядом с палеолитическим миром Запада существовали другие, равноправные по тому времени культурно-исторические миры. В каждом из них человек по-своему осваивал своеобразные природные условия, создавал собственные изображения и делал различные открытия, строил свою культуру. Сложные, далеко не выясненные отношения этих этнографических миров — культур древнекаменного века — еще более услож-

²⁶ В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969, стр. 120—121.

²⁷ В. Р. Кабо, Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам), «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 229; D. J. Mulvaneу, The prehistory of Australia, London, 1969, p. 66—68.

²⁸ D. J. Mulvaneу, Указ. раб., стр. 67.

²⁹ M. J. Meggitt, Aboriginal food-gatherers of Tropical Australia, «International Union for Conservation of Nature and Natural Resources», Morges, Switzerland, 1964, p. 2—9. Сама работа осталась нам недоступной, цит. по: E. R. Service, The hunters, Englewood Cliffs, 1966, p. 10, 13.

няют жизнь палеолитического человека, еще более обогащают всю эту калейдоскопическую картину, столь непохожую на единообразную панораму всемирной истории каменного века, которая развертывалась перед глазами эволюционистов XIX в.»³⁰.

Г. Кларк уже подчеркивал, что верхнепалеолитические охотники Европы оказались в исключительно благоприятных экологических условиях и что именно Европа, Западная Азия и средиземноморское побережье Африки находились в это время на главной линии прогресса³¹. Г. П. Григорьев уже отмечал, что «с накоплением фактов количество признаков, свойственных каждому ареалу, как кажется, возрастает, а количество общих, стадиальных признаков уменьшается. Например, лет 10—20 назад общей закономерностью для всей Европы считались верхнепалеолитические этапы схемы ориньяк — солютре — мадлен, а теперь эта закономерность ограничена территорией Франции. Уже тем более само явление верхнего палеолита считалось обязательным, закономерным; но сейчас очевидно, что и эта стадия культуры типична лишь для ограниченной территории Европы и Переднего Востока»³².

Нам тоже уже приходилось обращать внимание на специфику европейского развития³³. Вернуться к этому вопросу приходится лишь потому, что в основе новой попытки доказать универсальную первичность материнскородовой организации лежит методически неправильное и фактически неверное перенесение уникальных условий, сложившихся в европейской приледниковой зоне на все остальные регионы земного шара. Если точно следовать схеме Ю. И. Семенова, то картина получится обратная. Мы должны будем признать, что в большинстве регионов, в связи с характерными для их насельников условиями бродячего существования³⁴, род должен был бы возникнуть в патрилинейной форме, а затем, после перехода к земледелию, смениться материнским.

Но является ли сама матрилинейность на ранних этапах развития неизбежным следствием оседлого образа жизни? Мысль о том, что оседлость ведет к матрилинейности, не нова в науке. Ее высказывали, например, Старке, Гребнер, Шмидт, Туривальд и другие³⁵. Правда, они имели в виду земледелие, а не присваивающее хозяйство охотников и собирателей, при котором сколько-нибудь длительная оседлость является редким исключением. Но в любом случае факты не подтверждают полностью и этой гипотезы. Например, мотыжные земледельцы Новой Гвинеи преимущественно патрилинейны. Единственный вывод, который можно сделать на основе этнографического материала, заключается в том, что оседлость на ранних этапах развития в числе иных факторов может благоприятствовать развитию матрилинейных структур. О какой-либо детерминированности здесь говорить не приходится.

Все это приводит нас к выводу, что попытку Ю. И. Семенова обосновать по-новому старую гипотезу об универсальности и первичности материнскородовой организации нельзя признать удавшейся. Что касается его модели развития брачных классов у австралийцев в качестве доказательства изначальности у них материнского рода, то, во-первых, как по-

³⁰ «История Сибири», т. 1, стр. 70.

³¹ G. Clark, Указ. раб., стр. 48, 62.

³² Г. П. Григорьев, Указ. раб., стр. 62.

³³ А. М. Хазанов, Рец. на сб. «Каменный век на территории СССР», «Сов. этнография», 1971, № 5, стр. 171.

³⁴ Во избежание возможных недоразумений оговорим, что наше понимание хозяйственно-культурных типов бродячих охотников-собирателей, равно как и самого термина «бродячий», совпадает с тем, которое было дано в статье Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова «Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования» («Сов. этнография», 1972, № 2, стр. 10 и др.).

³⁵ Подробно об этом см.: М. О. Косвен, Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948. Из последних работ на эту тему см.: «Matrilineal Kinship», Ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961, p. 658 f.

казал М. А. Членов³⁶, возможны ее альтернативные толкования, во-вторых, лежащая в ее основе гипотеза о дислокальном браке по-прежнему представляется недоказанной, в-третьих, другое ее исходное положение — о связи первоначальной матрилинейности с оседлостью противоречит и фактам и другим положениям Ю. И. Семенова. Если род у австралийцев, точнее у их предков, действительно возник на рубеже верхнего палеолита, то он мог впервые сформироваться только на территории Юго-Восточной Азии, где первобытные группы людей вели бродячий, а не оседлый образ жизни.

Правда, в своем ответе М. А. Членову Ю. А. Семенов пишет, что вопрос о характере первоначального рода у австралийцев рассматривается им не в качестве самостоятельного, а как один из моментов более сложной проблемы, носящей теоретический характер³⁷. Проблема эта, очевидно, заключается в доказательстве универсальности и первичности дуальной материнскородовой организации с дислокальным и дисэкономичным браком. Но, как мы стремились показать, вопреки мнению Ю. И. Семенова, сколько-нибудь прочная и длительная оседлость была в верхнем палеолите скорее исключением, чем правилом.

Даже в наши дни охотники и собиратели, сохранившиеся еще кое-где в отдаленных уголках земного шара, вынуждены вести более или менее подвижный образ жизни. И это несмотря на то, что они испытали и испытывают воздействие со стороны более развитых обществ, несмотря на то, что со времени верхнего палеолита и охота и собирательство стали у них гораздо более сложными и технически лучше вооруженными видами хозяйственной деятельности³⁸.

В результате мы вновь возвращаемся к давно выдвинутому, но, на наш взгляд, не подтверждающимся фактическим материалом, гипотезам, которые Ю. И. Семенов развивает в последних своих статьях. Материнский род был всегда первичным, брак дуально-групповым, дислокальным и дисэкономичным. Только материнский род и только в описанной форме мог существовать «в условиях, когда объем произведенного коллективом продукта не превышает уровня, минимально необходимого для поддержания физического существования всех его членов». Парный брак мог зародиться только тогда, «когда объем произведенного обществом продукта превышает уровень выживания»³⁹. Материнский род «мог возникнуть только в эпоху, предшествующую зарождению индивидуального брака», в то время как «патрилинейные группы могли появиться только после возникновения индивидуального брака и ни в коем случае не раньше»⁴⁰.

Однако многие археологи усматривают сейчас в особенностях конструкции жилищ Европы в верхнем палеолите и в некоторых других данных доказательство наличия в это время парной семьи, а Г. П. Григорьев в этой связи уже выступал против гипотезы о дислокальном браке⁴¹. С их доводами можно соглашаться или не соглашаться. Но их нельзя обходить молчанием. Наконец остается необъясненным, как совместить

³⁶ М. А. Членов, Можно ли считать «австралийскую контрверзу» разрешенной? (по поводу статьи Ю. И. Семенова «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому. Опыт теоретического анализа»), «Сов. этнография», 1971, № 4.

³⁷ «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 102.

³⁸ О прогрессе охоты и собирательства см.: С. А. Семенов, Указ. раб., стр. 281 и сл.; S. L. Washburn and C. S. Lancaster, The evolution of hunting, In: «Man the hunter», p. 295.

³⁹ «Сов. этнография», 1970, № 5, стр. 59.

⁴⁰ «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 104—105.

⁴¹ См., напр.: Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens, Л., 1968, стр. 154—155; его же, Верхний палеолит, стр. 58—59; С. Н. Бибиков, Указ. раб.; И. Г. Шовкопляс, Исследования Добраничевской стоянки и некоторые вопросы социальной организации в позднепалеолитическую эпоху. «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1970 году в СССР (археологические секции)», Тбилиси, 1971, стр. 78; G. Clark, Указ. раб., стр. 56.

дислокальный брак с подвижным образом жизни, характерным в верхнем палеолите для большей части человечества?

Нельзя не отдать должное Ю. И. Семенову, всегда в своих исследованиях затрагивающему самые сложные и дискуссионные проблемы. Начатая им дискуссия, безусловно, приносит пользу хотя бы тем, что заставляет всех ее участников оттачивать и пересматривать свои аргументы. Нам кажется, однако, что при рассмотрении начальных этапов первобытной истории, в силу понятных причин наиболее трудно поддающихся реконструкции, следует особенно строго отделять главное от второстепенного, общее от особенного, установленное от гипотетического.

VARIATIONS IN ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC CONDITIONS IN THE STONE AGE AND THE PROBLEM OF THE PRIORITY MATRILINEAL CLAN

Yu. I. Semionov has recently attempted to substantiate the universally primary character of the matrilineal clan organization by reference to the fact that in the upper Palaeolithic era mankind was leading a sedentary existence and only changed to a wandering way of life in the late upper Palaeolithic and the Mesolithic periods («Sovetskaya Ethnografia», 1970, № 5, 1971, № 6). In this connection the author adduces evidence that such a model was only characteristic of Europe and partly of Northern Asia. In other parts of the Eucumene the wandering way of life predominated up to the Neolithic revolution. These data also contradict another supposition of Yu. I. Semionov, that the earliest period in the history of mankind is characterized by dislocal and diseconomic (lacking economic functions) dual-group marriage, since this is incompatible with a wandering way of life.

The author also adduces cases that disprove the supposition of a direct interdependence between a sedentary way of life and matrilineal organization.
